

Александр Степанович Грин

ОХОТА НА ХУЛИГАНА

I

Старый человек, шестидесятилетний Фингар, после многочисленных и пестрых скитаний во всех частях света, поселился наконец в Зурбагане. Фингар сильно устал. Всю жизнь его любимым занятием, единственной страстью и божеством была охота — древнее, детское и жестокое занятие, поклонники которого, говори они хотя на всех языках, каждый не понимая другого, — на всех легендарных языках вавилонского столпотворения, — все же остаются членами одной касты. Каста эта делится на три категории: промышленников, любителей и идолопоклонников. Фингар с малых лет до седых волос принадлежал к третьей — самой высшей, так как любители непостоянны, а промышленники меркантильны. Богом Фингара был точный выстрел по редкой дичи.

И так всю жизнь... И, как сказано, старый бродяга устал. Ранее могучее тело его подымалось и отправлялось за десятки тысяч верст без всякого размышления, теперь тело просило кейфа и уважения. Исчезли походные палатки, ночные

костры в болотах, плоты в мутных волнах диких рек; Фингар заменил их небольшим домиком, цветами и трофеями и воспоминаниями. От бурных кутежей в грозных пустынях, где вином был звериный след, поцелуями — восход солнца и блеск звезд, а игрой — выстрелы, — у Фингара осталось весьма скудное количество денег. Их поглотили разезды, Фингар жил скромно и писал мемуары, диктуя по дневникам молодому, нанятому для этой цели, Юнгу странные для оседлого уха истории, в коих описания местностей сплетались с названиями растений, а за цифрами подстреленных хищных зверей следовали рецепты от лихорадки и гнойных ран — памяти медвежьих когтей.

Утром, тринадцатого апреля, вошел Юнг, улыбаясь лысому Фингару, сидевшему перед столом за стаканом кофе. Юнг любил обстановку Фингара. Меха здесь были везде: на полу, стенах, в углах и даже на потолке. Все оттенки пятнистой и гладкой шерсти от белого до черновато-зеленого, делали помещение похожим на громадную муфту. Прямые, кривые, витые и ветвистые рога торчали густыми рядами всюду, куда попадал взгляд. Настоящие ковры из тесно повешенного оружия блестели в простенках. Собака Ганимед, помесь ищейки и таксы, ветеран многих охот Фингара, сидела на подоконнике, наблюдая уличную жизнь глазами фланера. Ганимед привычно покосился на

Юнга и зевнул: еще не пролетела близ его носа ни одна муха. Ганимед любил ловить мух.

— Вот не могу вспомнить, — сказал Фингар, — что вышло у меня с неженкой Цейсом из-за переправы у порогов Ахуан-Скапа. Мы вчера остановились на этом, но память моя бессильна.

— Может быть, это не важно? — скромно возразил Юнг, приготовляясь писать и пробуя пальцем острие пера.

— Как неважно?! — удивился Фингар. Его сухое, монашеское лицо дрогнуло нетерпением. — Я только не могу вспомнить. Этот одеколонный Цейс хотел переправиться выше, а я — ниже. А что мы говорили — забыл.

— Пропустите это место, — деликатно посоветовал Юнг. — Потом вы припомните.

— Потом — это потом, а сейчас — это сейчас. Я вот хочу сейчас.

Фингар молчал две минуты. Юнг рисовал тигра с павлиньим хвостом. Ганимед щелкнул зубами — муха исчезла.

— Все еще не припомню, — Фингар набил трубку, закурил и стал дымить в потолок. — Что новенького у нас в Зурбагане?

— Вы получаете газету, — сухо сказал Юнг; ему хотелось работать.

— А я не читал за последние дни, — возразил Фингар. — Я припоминал, что вышло у меня с

Цейсом. Как будто я его послал, в вежливых выражениях, к одалискам... Тут, видите ли, было кем-то из нас сказано одно слово, изменившее весь маршрут. Но какое такое слово — хоть высеките меня — не припомню. Правда, и то, что прошло тридцать лет. Есть новости или нет?

— Водопровод и Камбон, — хмуро отозвался Юнг, по свежести души предпочитавший слушать охотничьи рассказы Фингара, чем говорить о газетной хронике.

— Извините, молодой человек, лаконизм хорош только для птиц. «Чирик-чирик» — и все понимают. Я не воробей, с вашего разрешения.

Юнг был смешлив. Он тихо захохотал и повернулся к Фингару.

— Водопровод переносят к озеру Чентиссар, к чистой воде, — сказал Юнг.

— А новые подвиги Камбона равняют его с дикими зверями, которых вы так много убили.

— Камбон! Да, да, так. Вспомнил. Грабитель?

— Пожалуй, он и грабитель, — сказал Юнг, — но просто грабитель, это еще куда бы ни шло. Камбон одержим страстью мучить и убивать бескорыстно; он живет слезами и кровью.

— Надо поймать, повесить, — кротко сказал старик, — однако любопытно. Сегодняшнюю газету читали?

— Еще нет.